

ДИСКУССИИ

УДК 37. 034

Л. И. Лурье

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ИЛИ СВЕТСКАЯ ЭТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются концептуально-методологические проблемы введения в светскую систему образования курса «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики», исследуются мировоззренческие аспекты формирования личности при совмещении научной и религиозной картин мира.

Ключевые слова: светское образование, духовно-нравственное воспитание, религиозное сознание, культура, свободное развитие личности.

Abstract. This paper discusses conceptual and methodological problems of including in the secular education the course of «Fundamentals of Spiritual and Moral Education and Secular Ethics», the ideological aspects of personality formation in the combined scientific and religious world being examined.

Index terms: secular education, spiritual and moral education, religious consciousness, culture, free development of personality.

С 1 апреля 2010 г. в ряде регионов России в школах введен, пока экспериментально, учебный курс «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики». Детям предстоит выбор: изучать «Основы духовно-нравственного воспитания» или «Светскую этику». Более того, духовно-нравственное воспитание также делится на пять вариантов: или православие, или ислам, или буддизм, или иудаизм, или мировые религии. Атеизм как вариант выбора почему-то отсутствует. Ученики толком не могут понять, что им предлагают: «Закон Божий» или «Правила поведения школьника» – именно так, чаще всего, разъясняют учащимся суть нововведения.

Каждый год школам дается социальный заказ. Этот новый предмет – заказ не только социальный, но и политический. Образование выражает устоявшееся представления о мире. В обществе, испытывающем напряжение от проявлений национального, религиозного и всякого иного экстремизма, опасно устанавливать границы идентичностей, которые условны и динамичны, а их обозначение бывает порой весьма болезненно. Не следует делить класс на приверженцев той или иной мировоззренче-

ской позиции – она у детей еще только складывается. Образование, выступающее продолжением политики, подобно войне.

К религиозному сознанию люди приходят по-разному. Чаще всего через следование семейным традициям, но никак не через массовое просвещение и пропаганду. И уж если курс духовно-нравственного воспитания и светской этики стал исторической неизбежностью в светских образовательных учреждениях, то технологии его проведения должны быть принципиально другими в сравнении с остальными предметами. Возможно, следует впервые в истории образования проводить совместные занятия для родителей и детей, изучая традиции семьи в контексте мировой культуры.

Российская система образования навлекла на себя серьезные испытания. Даже прекращение эксперимента может привести к разжиганию межрелигиозного конфликта. Получается как с ЕГЭ: отменить это сейчас уже почти невозможно – немота мысли довлеет в образовательном пространстве. Устная речь перестала быть источником вдохновения, способом смыслообразования.

Развитие человечества устремлено в будущее. Актуальное настоящее превращается в архаичное прошлое или же становится образцами величия поколения, уступающего дорогу плеяде новых творцов. Выдержавшее испытание временем старое становится неустаревающим. Образование призвано проводить селекцию достижений общества, выдвигая духовные обобщения опыта цивилизации, вырабатывая новые символы эпохи. Знаково-символический подход к восприятию действительности предполагает существование объекта и его образа, который создается, ваяется мыслью, оттачивается для понимания сущего. Это требует ответственности, основанной на мужестве веры и силе воли. Ответственное поведение означает способность видеть мир многообразным, выстраивать уважительное отношение к позиции других, обладать способностью к сочувственности, соучастности, состраданию. Существующие разнообразные мнения и позиции могут быть противоречивы. Но только при их совмещении обнаружится истина. В образовании требуются технологии удержания множественности представлений о мире в единстве. Формирование целостной системы духовных ценностей в общественном сознании предполагает гармонию мировосприятия, притягательность идей, определяющих мировоззрение личности. Духовно-нравственное воспитание человека должно состоять в примирении противостоящих жизненных позиций, которое достигается в пространстве культуры.

Прошлое, воскрешаясь через систему ценностей современного человека, пересматривается многократно. Открытия возникают путем особого

прочтения вечных истин. Испытания временем сближают эпохи. Благодаря сохранившимся свидетельствам культуры складывается диалог между ушедшими и новыми поколениями. Репрезентативность определенного исторического периода ищет свое выражение при смене веков, смене реальностей. Причем складывающиеся обобщения о прошлом часто не совпадают с теми, что существовали в свое время у его очевидцев. Время меняет отношение к минувшему. Былое возвращается в современный мир в виде памятников, рукописей, книг, беспристрастно сохраняя колорит эпох. Образование призвано помочь различить сущее, выразить культурный след эпохи.

Религиозное сознание многие годы было доминирующим. С ним связывались духовные искания человечества. «Божественный дар», «божественная красота», «божья воля» и многое другое – практически все шло от Бога. Сомнение в вере – пассивное или воинствующее – не отменяло стереотипы мышления и мифологию сознания. Даже демократия, родившаяся в Греции и ставшая ориентиром общественного прогресса для многих государств и народов, также связывается с именем Бога. Анализируя творчество С. Л. Франка, О. А. Назарова утверждает: «Демократия рациональна, ибо содержание общественного идеала, способы воплощения установленных идеальных норм решаются в ней путем дискуссий. Демократия, видимо, может быть оправдана лишь в качестве естественного закона, извне подчиняющего личность воле Божией» [7]. Не все согласятся с мыслью о демократии как о «воле Божией», но формирование идеалов, убеждений, ценностей, несомненно, требует признания неких изначальных постулатов человеческого бытия и сознания, необязательно с приписыванием им неземной природы. А. П. Мальцева видит основанием и условием ответственности человека мифологическое сознание: «Благодаря мифологическому сознанию с присущим ему синкретизмом только и возможно существование достаточно централизованной личности как основания ответственного поведения: ведь это сознание само по себе есть техника удержания множественного в единстве, удержания разного вместе» [6]. В этом, видимо, и состоит основная задача курса «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики» – способствовать консолидации общества на сложном этапе социально-экономического развития.

Педагогика прошлого часто была императивна. В современном обществе «человек сомневающийся» – особый тип личности, у которого способность к самоанализу превращается в источник самообразования и саморазвития. Сомнение – чувство внутреннее. Оно выражает несогласие человека с самим собой, неуверенность, которая, кажется, вредит делу.

Однако в сомнениях есть позитив. Избыточная уверенность лишает человека чувства реальности, вырабатывает непогрешимость, которая сродни эгоизму. Педагогика сомнения преодолевает линии отчуждения. Постоянный диалог с учениками, слушателями, воспитанниками требует глубокого самоанализа. Иногда таким выражением рефлексии становятся урок или лекция. В пространстве эстетического опыта многие детали организации образовательного процесса значимы. Человек сомневающийся, обучая других, учит себя, преодолевая препятствия, обретает опыт, которым спешит поделиться с другими. Проблемность обучения становится источником совместного с учениками поиска устранения неопределенности на пути к истине. «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики» должны стать способом сравнения, сопоставления идеалов и ценностей современного мира, самоидентификации личности в противоречивом процессе общественного развития.

Во власти стереотипов прошлого духовно-нравственное воспитание ассоциируется как религиозное. А между тем духовность – предельно общее понятие в философии, включающее «потребность познания – мира, себя, смысла и назначения своей жизни. Формирование духовных потребностей личности – важнейшая задача воспитания» [8]. «Нравственность – совокупность норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе на основе общественного мнения, стимулирующих или тормозящих их поведение и деятельность» [8]. Проблема духовно-нравственного воспитания имеет другие основания в светском понимании. Она состоит в том, смогут ли единые ценности и идеалы объединить светское и религиозное духовно-нравственное воспитание. «Сегодня люди еще слишком мало знают о себе, чтобы использовать все свои возможности... Может быть, потому что церковь тысячи лет монополизировала сферу духовности, и это, наверное, вполне естественно», – считает Р. А. Быков [1].

Атеистическое советское прошлое опустошающе действовало на внутренний мир человека. Для многих неверие в Бога сочеталось с неприятием «светлого коммунистического будущего». В конце прошлого века – начале этого религиозное мышление берет реванш. Поддерживаемое руководством страны, религиозное сознание в последние годы проникает в систему светского образования и утверждается в ней. При кажущейся очевидности в необходимости знаний основ религиозной культуры симбиоз светского и религиозного сознания выглядит противоречиво. Свобода вероисповедания и свобода неприятия веры равнозначны. Всякие попытки принуждения к тому или иному миропониманию влекут за собой целый комплекс социокультурных, психологических и иных, весьма острых и болезненных проблем.

Ограничения свободы в отношении к религии опасны и ведут к диктатуре. Печальный опыт таких ограничений мы приобрели в советском прошлом. Свобода, не знающая границ, не считающаяся со свободой Другого, оборачивается рабством. Иван Ильин, настаивая на божественной сути духовной свободы, утверждал, что «зародилась и созрела лжеидея недуховной свободы: не свободы веры и Богосозерцания, а свободы безбожия; не свободы совести, а свободы от совести – от ответственности, от духа, от вкуса, от правосознания» [5].

В современном мире идеи глобализации общественного сознания, единения людей, народов и цивилизаций сочетаются с хрупкостью и уязвимостью складывающихся социальных контактов. Наша эпоха выявила неприемлемость прежних форм сосуществования народов, произошел распад бывших взаимоотношений между ними.

Постижение ресурсов свободы и ответственности, которую она возлагает, подлинного патриотизма и зрелой гражданственности становится значимой, важнейшей целью образования как способ организации общественной жизни. С особой остротой общество ставит перед образованием проблему свободы совести при имеющихся явных потерях в совестливости. Вводимый курс «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики» в непростое время кризисов и социально-экономических преобразований призван пробудить чистоту помыслов всех обучающихся. Воплощением вершинности духа не обязательно является Бог. Работа души, нацеленная на совершенство, основанная на общечеловеческих ценностях, – есть способ построения нового мира, зиждущегося на любви, добре и справедливости – нравственных ценностях, которые связывают людей верующих и неверующих.

О нововведениях последних лет, касающихся религиозных курсов, совершенно несвойственных светской системе образования, «Учительская газета» заявляет: «В российских школах появится новая образовательная область – “Духовно-нравственная культура”» [9]. Само название предполагает: духовность, нравственность и культура имеют религиозную основу. А в лучших традициях образовательной деятельности организуются «Олимпиады по православию» – «кто более всего православию верен?» Глубоко личное отношение человека к Богу становится предметом состязательности. Насажение религиозного сознания является видом духовного насилия, разрушающего целостность гуманитарного образовательного пространства. Преемственность этой тенденции в вузе серьезно изменяет природу профессиональных компетенций специалиста – носителя различных культур. Такой нажим на образовательное сообщество вы-

зывает эффект противоположный – оно становится атеистическим. А те, кто выбирает вместо «Основ православной культуры» или каких-либо других курсов, носящих религиозную направленность, «Светскую этику», «Обречены» многие годы изучать этот интересный предмет без должной внутренней подготовки, в отрыве от онтологических особенностей развития личности. Этика выступает как нечто альтернативное и противоположное религиоведению (если «Основы духовно-нравственной культуры» считать по сути таковыми). Инноватика, лишённая принимающей её духовной среды, обрекает школу на мучительные попытки справиться с нововведениями и вырабатывает внутреннее неприятие к тем, кто их осуществляет.

Ответ на вопрос: «Нужны ли основы религиозной культуры в светском образовательном учреждении?» – думается, следует искать, обратившись к нашей истории. Насаждавшийся в советские времена атеизм, по сути дела, обернулся религиозной пропагандой. Не произойдет ли подобный эффект в результате вводимого курса, примерное название которого «Основы религиозной культуры и светской этики»? Ведь такой курс является не банальным «обновлением содержания образования» – он означает глубокие изменения образа школы, её социального статуса в системе общественных отношений. Может ли «раб Божий» стать личностью? Как совместить ценности религиозной и светской культуры, даже если они, казалось бы, преследуют одну благую цель – духовно-нравственное воспитание? Какой должна быть единая картина мира: научно обоснованной или божественной? Это вечный спор между верующими и атеистами. Как в ещё не окрепшем сознании учащихся совместить понимание таких непримиримых жизненных позиций?! Объяснить суть этих разногласий – важнейшая педагогическая задача. В новом курсе должны найти решение философские проблемы и конкретные аспекты формирования мировоззрения личности. Отметим некоторые из них:

- духовные универсалии единой картины мира;
- толерантность и взаимообогащение национально-религиозных культур;
- грани общечеловеческого, религиозные секты и культы;
- преемственность в воспроизведении культурных традиций;
- границы человеческого бытия: антропологическая концепция «Я – другой Я»;
- религиозная мифология как фактор манипуляции общественным сознанием;
- духовно-нравственное воспитание как социокультурный процесс, определяющий возвращение личности для будущей России;

- такт и координация во взаимоотношениях религиозных конфессий как феномен культуры;
- национальный экстремизм, международный терроризм, Холокост и духовные кризисы цивилизации.

Формирование мировоззрения отторгает «клиповость»: светское и религиозное сознание невозможно соединить механически. Какой должна быть гносеологическая модель познания мира, сопрягающая различные представления о нем? До какой степени надо «дружить религиями» и «не замечать друг друга»? Возможно, и название вводимого курса должно быть иным, во всяком случае, для школ. Например, «Философские проблемы жизнедеятельности».

Мировая история и история религий прошли сложный путь различения ценностей. Именно эта мировоззренческая проблема важна для образования. Научное и религиозное сознание задают параллельные миры. Как в сознании ребенка совместить представления о происхождении человека: он произошел от обезьяны или создан Богом? Даже при несомненных достижениях естественных наук и твердой наступательной позиции религиозных общин в современном обществе сомнения вызывают обе эти несовместимые друг с другом гипотезы. Надо ли в них верить или признавать как данность? Быть может, школьники, да и студенты, должны знать их обе? Но как, в какой момент им следует сказать о несостоятельности одной из них и надо ли? Образование должно не только знакомить обучающихся с духовными традициями и учить жить сообразно им. В светском образовании материалистическая картина мира является основой его научного понимания. Не сформировав устойчивого мировоззрения, обучающиеся приобретают сумбур в сознании. А библейские заповеди? Спущены ли они «сверху», «с небес» как «духовные рекомендации» или являются плодом долгих исканий многих поколений людей, выстрадааны мучительным поиском абсолюта, высочайшим достижением человеческого духа? Кто рождает истину: человек или Бог? А сам человек – всего лишь «раб Божий»? Современное образование провозгласило человека центральной фигурой всего образовательного пространства. И что, эта фигура – «раб Божий»? раб?! Эти параллельные миры напоминают двухжильный провод, включенный в сеть высокого напряжения. Если жилы соединить, возникнет короткое замыкание – электрический разряд, молния. Механическое совмещение научной и религиозной картин мира может вызвать подобное замыкание. С. Л. Франк говорил «о возрождении религиозной жизни как основной потребности эпохи, о признании опытной интуитивной основы религиозности и о равноправии мистического

опыта со всяким иным опытом, а следовательно, о признании его способности служить отражением истины» [7]. Если такое «равноправие» не удастся утвердить в курсе «Основы духовно-нравственного воспитания и светской этики», то «короткое замыкание» в общественном сознании может привести к глубокому социальному противостоянию.

Позволительно ли судить о правильности, истинности религиозных или же светских воззрений? Корректна ли сама постановка задачи? Многие тенденции современной жизни вносят «разлад» в религиозный стиль мышления. И. Ильин указывает: «Земные “утехи” и “развлечения” манят людей. Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержки слабеют, мудрая мера утраивается, порок не отталкивает; современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь» [5]. И даже в таких условиях в нашей современной жизни возникает прорыв к религиозному сознанию отдельных людей и больших социальных групп. Человек неустанно ищет жизненные ценности. Это приводит его к различным постулатам мироустройства. Религиозное мышление питало творческое сознание многих мыслителей, они искали в нем основу мира. Попыткой разрешения вопросов нравственности через осознание великой миссии России в развитии цивилизации было творчество выдающегося мыслителя В. С. Соловьева. «Он гениально воплотил в своих произведениях и стремление к синтезу, и стремление разрешить все вопросы, и стремление посредством примирения религий с наукой привести к единому заданию, к единому устремлению все задачи человека на земле. Соловьев называет свое учение мистицизмом», – считает В. Г. Белоус [4].

Можно искать оправдание всему в воле Всевышнего и находить его в любви к ближнему. Верить в торжество человеческого духа означает постигать социокультурную многомерность постулатов человеческого бытия. Чтобы судить об их правильности, надо различать их целостность. Встать «выше» Бога так же сложно, как оказаться за пределами бесконечного, неисчерпаемого процесса познания, в принципе, познаваемого мира. Следовательно, подход с точки зрения «правильности» не совсем оправдан при сравнении светского и религиозного сознания. А истина становится относительной, выводимой из принимаемых постулатов. Этот «релятивизм» не препятствует формированию нравственности, которая «примиряет» ее духовные основания. Как и в прошлые времена, «трудно бывает отличить – человека от зверя, партию от шайки, парламентария от взяточника-авантюриста, народ от черни. Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью» [5]. Угроза при-

митивизации Человека преодолевается верой в ценности и идеалы, пути достижения которых определяют общественный прогресс.

Жизненные трудности отдельного человека, поиск духовных оснований цивилизации современной жизни часто возрождают интерес к теологическому мышлению. Религиозное сознание, казалось бы, освобождает от умственных усилий, связанных с пониманием и освоением мира. Догма подменяет и подавляет волю и вырабатывает фатализм. Религиозное сознание представляется органично связанным с культурной традицией. Однако духовные символы современной науки взаимодействуют с религией как параллельные миры. И даже культурные знаковые обобщения этих сфер понимания мира не всегда находят примирение. Светское образование должно искать и выпукло обозначать причину противостояния научной и религиозной картин мира, искать пути гармонизации сознания в противоречивых представлениях о мире. Вместе с тем органичная потребность общества сохранить связь времен превращается в способ укрепления власти, удерживающей религиозную архаику прошлого как матрицу исторической памяти. Джон Дьюи приходит к важному методологическому выводу: «Поэзия, религия, искусство – это великие ценности. Их нельзя сохранить, задержавшись в прошлом и тщетно пытаясь реставрировать то, что было сломлено ходом событий в сфере науки, производства и политики. Они представляют собой цвет мыслей и желаний, которые незаметно вследствие многих и многих тысяч повседневных ситуаций и контактов составляют ресурсы воображения. Не следует ждать, что они встретятся в опыте; их нельзя заставить реализоваться» [3].

Необходимо понимание народной культуры как целого, взаимообусловленного историческими эпохами. Российское государство на протяжении многих столетий стремилось объединить различные слои общества, формировало единый культурный слой межнационального общения, позволявший выработать механизмы сотрудничества. Важно понять, как гуманистические ценности различных религий, адресованные своим приверженцам, могут быть полезны и значимы представителям других вероисповеданий. В образовании и культуре необходимо ощутить ту грань, когда межконфессиональное сотрудничество переходит в религиозное давление. Крестовые походы, да и многие другие военные конфликты в истории цивилизации, проходили как силовое насаждение чуждых человеку убеждений. Они возникали потому, что кто-то считал «свою» религию самой гуманной и справедливой, не интересуясь, желают ли другие такого «облагодетельствования». Неужели горькие уроки межрелигиозных войн не усвоены? Насаждение одноконфессиональной культуры в многокон-

фессиональном обществе недопустимо. Вера обращена к отдельному человеку. Он вправе определять то, что ему хочется принять. Что-то не встречаются люди, придерживающиеся нескольких вероисповеданий одновременно. Принимая один свод религиозных догматов, человек по меньшей мере резко снижает интерес к другим. А что делать тем, кому религиозные наставления и вовсе не нужны?

Трудно придумать правила, охватывающие всевозможные случаи политической сдержанности в проявлении национальных или же религиозных чувств. Регулятором этих процессов должно быть понимание добродетели, основанное на моральных убеждениях и нравственном воспитании, на складывавшихся на протяжении многих лет традициях россиян и мирового сообщества. Менялись политические установки, общественно-политический строй, неизменным оставался дух народа, его талант передавать из поколения в поколение важнейшие обобщения жизненных исканий, воплощенных в образовании, науке, искусстве.

Сами граждане страны существенно отличаются между собой духовными позициями в понимании развития личности, общества и государства, а значит, и самого образования. Вот почему остро встает проблема образовательных парадигм. Важны не только утвердившиеся в науке подходы, определяющие модели исследования педагогической реальности, – актуальна проблема совместимости складывающихся методологических подходов к образованию в обществе, существенно неоднородном по своим политическим пристрастиям и духовно-нравственным позициям. Такая неопределенность нашла отражение и в настойчивом стремлении «подкрепить» общественную нравственность, мораль введением отдельного курса «Духовно-нравственное воспитание», ориентацией его, прежде всего, на воспитание религиозное, претендующее одновременно быть и патриотическим.

Религиозная идентификация обусловлена обычно этнонациональными традициями. Во многих семьях детям уже с рождения «присваивается» вера. С годами человек «свою» веру превращает в свои религиозные убеждения. А что делать, если, познавая мир, он эту веру не определил в разряд жизненных ценностей? Требуется ли толерантность к самому себе? Находясь среди представителей других конфессий, человек чувствует себя комфортно до тех пор, пока не обнаружит давления предлагаемых ему других религиозных ценностей. Возникает обратное: человек цепляется за изначальные установки, к которым был до некоторых пор равнодушен. Происходит потеря духовных ориентиров. Иногда это и порождает религиозный экстремизм.

Для человека неверующего в равной степени неинтересно знать «духовные ценности» различных религий. Они для него вообще не имеют ценности. Атеист исчерпывает свои культурные запросы научным мировоззрением. Это, пожалуй, тот редкий случай, когда знание религий не требует умений и навыков. «Знать для общего развития» – почти как смотреть «Поле чудес». Через день это феерическое «Поле» забывается, а спустя еще некоторое время многих только раздражает. Вера, не принятая сердцем, – источник внутреннего конфликта, который случайно может перерасти в социальный. Межрелигиозная нетерпимость как раз и возникает от того, что трансляция, навязывание духовного опыта «случайно» может задеть религиозные чувства других. Бенедикт XVI «случайно» оскорбил пророка Мухамеда. Датские художники «не без злого умысла» напечатали на него карикатуру. А еще, в начале XIX в. так же «случайно» появились «Заветы Сионских Мудрецов», в которых обвинению подвергнут целый народ. И произведение «200 лет вместе» А. И. Солженицына совсем не способствовало выработке общего духа русского и еврейского народов. От представленных в книге знаний не возникло умение понимать чужую боль и находить линии духовного притяжения народов, связанных общей исторической судьбой. В этом повествовании навык анатомического обнажения факта не дал духовных обобщений. Автору не хватило культурологической компетенции – чувства такта, возникающего из уважения к другой культуре.

Интерпретация религиозных учений в кругу своих приверженцев допускает широкие толкования. «Своим» это позволено. Но если те же самые суждения будут исходить от «людей извне», то это приведет к непримиримой конфронтации. Вот почему «История мировых религий», «Основы православной культуры» вызывают столь двойственное отношение в обществе. Школа, изучающая только одну религию, даже ее культурологические основания, перестает быть светской и превращается в религиозную.

Говоря о включении элементов религиозной культуры в светское образование, люди подсознательно сразу же задают себе вопрос: способствует ли это включение взаимопониманию между людьми или же служит толерантности – почти доходящей до безразличия терпимости к людям, имеющим другие убеждения? Во многих уголках планеты, к сожалению, мы сталкиваемся с фактами, имеющими общую природу и достигающими цивилизационных масштабов.

В свободном обществе не должно быть насаждения религиозного сознания даже в скрытых формах. Исторический опыт свидетельствует о том, что «Закон Божий» в дореволюционной школе обернулся насаждениями аг-

рессивного атеизма в советское время. В современном обществе задачи воспитания личности, расположенности к другим культурам, национальным и религиозным общностям исключительно актуальны, потому что в современном мире исключительно активны коммуникационные процессы. А. Н. Джуринский формулирует условия, способствующие успешному решению этих задач: «Цели мультикультурного воспитания строятся вокруг четырех ориентиров: социокультурной идентификации личности; освоения системы понятий и представлений о поликультурной среде; воспитания положительного отношения к диверсифицированному культурному окружению; развития навыков межнационального общения» [2].

Известно, что Талмуд – это устная Тора. Он считается первым учебным текстом в истории человечества. От толкований и разъяснений основных идей Торы Талмуд переходит к обсуждению с читателем сгустков смысловой энергии религиозного учения, актуализирует столкновение различных позиций, разъясняющих суть писания. Толкованию Торы посвящены различные притчи – сказания для взрослых, имеющие особый философский смысл. Даже добрые дела, обращенные к людям, приобретают символическую основу. В иудаизме существует понятие «сгула», которое означает «нечто чрезвычайно ценное, уникальное», являющееся символом отношения человека к реальному миру. Таких символов много и в христианских традициях. Икона – важнейший символ веры. Высокое назначение слова выражено в Слове Божьем. Граф Ф. С. Уваров в начале XIX в. выдвинул идею о том, что Россия существует в единстве трех начал: самодержавие, православие, народность. Сама Русь считалась символом веры и называлась Святая Русь. Рождественские встречи, новогодняя елка, каравай также обозначают обобщенные образы знаковых событий и явлений, которые сближают людей одной веры. Стремление к нравственному совершенствованию, милосердию и состраданию олицетворяет мусульманский праздник Ураза-Байрам. Религиозная культура сохранила до наших дней исключительно важные знаково-символические формы образовательного воздействия. Понимание их сути позволяет избежать религиозного радикализма. Полезно находить истоки педагогического общения в традициях самых разнообразных культур. Для образования важно понять истоки духовного символизма. Это приближает нас к пониманию сущностных оснований различных культур, снимая противоречия от вольных толкований некоторых исторических фактов и событий.

В прошлом терроризм был связан с вызовом отдельного человека обществу. Современный терроризм выражает протест представителей широких социальных масс, имеющих другие базовые ценности.

И главное в этом отличии – пренебрежение человеческой жизнью. Личное достоинство складывается в воспитательном процессе через понимание красоты отношений между людьми, их величия во всем мироустройстве. Присутствующий во всех религиях религиозный канон «не убий», спущенный с божественных небес человеку, как правило, не подлежит обсуждению. Но суть человеческой жизни, ее неповторимость обусловлены нетождественным пониманием этой высшей ценности различными религиями.

В суете повседневности мы сталкиваемся с многообразием действий, быть может, напрямую и не возвеличивающих человеческое бытие, но, несомненно, приводящих к пониманию бесценной, неповторимой гаммы индивидуальных особенностей, которые присущи отдельной личности. Богатство общества столь же значимо, как и богатство чувств, эмоций, переживаний, всего того, из чего складывается человеческая жизнь. Общности символов веры (бог един, «десять заповедей» и др.) присутствуют во многих канонических текстах различных религий, их истоки имеют неодинаковую социальную, культурную, экономическую основу. Люди задаются вопросом: почему, имея близкие, по сути, символы веры, люди живут в таких различных условиях?» И тогда возникает попытка объяснить социальную несправедливость межрелигиозной догматикой, недостаточной преданностью вере. Допуская плюрализм мнений и вероисповеданий, необходимо достигать высокой степени понимания не культовых элементов религиозного сознания, но такого уровня мировоззрения, при котором глобальные процессы формирования единой картины мира объясняли бы существенные аспекты взаимодействия людей и цивилизации. А. Н. Джурицкий уверен: «Поликультурность личности отнюдь не генетического происхождения. Она социально детерминирована и должна быть воспитана» [2].

Всякое реформирование образования должно сопровождаться расширением спектра свободного развития, понимания и учета позиций оппозиционирующих сторон, также являющихся субъектами образования. Услужливый оптимизм верноподданного сообщества несет опасность и сегодня, когда единственная точка зрения насаждается в сознание людей по политическим, религиозным, националистическим и иным мотивам.

Литература

1. Быков Р. А. Требуется щит Персея // Новая газ. 2006. № 39(1161).
2. Джурицкий А. Н. Проблемы поликультурного воспитания в зарубежной педагогике // Вопр. философии. № 10. 2007. С. 43–51.
3. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека: пер. с англ. М.: Республика, 2003. С. 132.

4. Из протоколов Вольфильты: заседание «Памяти Вл. Соловьева» // Вопр. философии. 1997. № 1. С. 147.

5. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: соч. М.: Эксмо, 2007. С. 20–22.

6. Мальцева А. П. Мифологическое сознание как основание и условие ответственности // Человек. 2009. № 4. С. 71

7. Назарова О. А. О роли и месте социальной философии в творчестве Семена Людвиговича Франка // Вопр. философии. 2008. № 5. С. 105.

8. Рапацевич Е. С. Современный словарь по педагогике. Минск: Современное слово, 2001. С. 212.

9. Руденко С. ОПК включает в ДНК // Учит. газ. 2008. № 3.